

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 178-2nd Ave. New York

VOL. XV, NO 4607

MONDAY, SEPTEMBER 7, 1925.

Понед

Недоброе слово

С позволения г-жи Гиппиус (а если нужно, так и без всякого позволения) мне давно уже хочется поговорить об ее статье «Благоухание Седин» (напечатана в «Совр. Зап.»).

Не столько, впрочем, о сединах и не столько о благоухании, сколько о неспокойном отношении к покойному Чехову...

Очень это беспокойствие поражает и очень раздражает. Совсем, как заноза, торчит в памяти. Г-жа Гиппиус задумала поговорить об отошедших писателях — о тех, кто был уже сед, когда сама г-жа Гиппиус была еще молодая: о Плещееве, о Полонском, о Вейнберге, о старике Суворине.

Дело это, конечно, доброе и для всех безобидное, а так как г-жа Гиппиус — человек очень талантливый, то под ее пером даже и суворинские седины благоухают...

Но вот странность... Начавши о стариках, г-жа Гиппиус попутно и кстати (а может быть, и совсем не кстати) перескочила на Чехова, хотя никаких седин, — ни благоухающих, ни неблагоухающих у него не было.

И вот тут то и началось неспокойное отношение к покойному писателю.

Г-жа Гиппиус не любит Чехова. Ее раздражает его «нормальность» — «нормальный человек и нормальный прекрасный писатель своего момента», сказал про него однажды С. Андреевский. Да, именно — момента, — соглашается г-жа Гиппиус. Времени у Чехова нет, а момент очень есть. Слово же «нормальный» — точно для Чехова придумано. У него наружность «нормальная» — по нем, по моменту. Нормальный провинциальный доктор, с нормальной степенью образования и культурности, он соответственно жил, соответственно любил, соответственно прекрасному дару своему писал. Имел тонкую наблюдательность в своем пределе — и грубоватые манеры, что тоже было «нормально».

Даже болезнь его была какая то «нормальная», и никто себе не представит, чтобы Чехов, как Достоевский или князь Мышкин, повалился перед невестой в припадке «священной» эпилепсии, опрокинув дорогую

вазу. Или, как Гоголь, постился бы десять дней, сжег «Чайку», «Вишневый Сад», «Трех Сестер» и лишь потом умер!..

Без всякого сомнения, слово «нормальный» звучит у г-жи Гиппиус очень пренебрежительно. Не то, чтобы совсем мешанин, но во всяком случае птичка — невеличка: времени у него нет, а только момент. Да и наружности настоящей нет — (провинциальный доктор с грубоватыми манерами). Только что талантлив, но уж никак не интересен. И болезнь у него неинтересная, и жил он «соответственно», и писал «соответственно», и за женщинами ухаживал «нормально», и женился «нормально», и ни на грош у него не было «священной» эпилепсии, а только мешанская чахотка...

Я знаю, что г-жа Гиппиус — очень умная женщина. И умная, и талантливая. Но, признаюсь, презрительное отношение к «нормальности» и смеши, и раздражает.

— Подайте ей эпилепсию! Подайте «священного» безумия! Она и слышать ничего не хочет о простой чахотке! Но где ее взять эту эпилепсию, если ее нету? И разве для всех обязательно? И разве все должны быть пророками? И разве это стыдно — не быть пророком?

Я думаю, что если бы Чехов был жив, эти странные вещи очень рассмешили бы его и он мог бы сказать:

— А разве я обещал г-же Гиппиус, что заболею эпилепсией? Разве я обещал быть пророком и потом надуть?

А, может быть, Чехов сказал бы и иначе:

— А у вас, Зинаида Николаевна, эпилепсия есть? А вы знаете, разбиты? А вы «священное безумие» проявили, когда выходили замуж? Выходит, значит, что и вы нормальная женщина и даже больше: вы адски нормальная, вы безнадежно нормальная женщина.

Это, вообще, очень странная идея — говорить не о том, что писатель дал, а о том, чего он не дал и не собирался давать. Не о том прекрасном, что у него было, а о том превыспреннем, чего у него не было.

— Этак любого писателя можно превратить в ничтожество.

Непонятны мне еще и следующие слова г-жи Гиппиус: «нормально» ухаживал за женщинами, «нормально» любил, «нормально» женился...

Я знаю, чего г-жа Гиппиус хочет: чтобы Чехов «повалился навзничь» перед невестой и разбил вазу. Любовь без «вазы» с обыкновенным венчанием в церкви — это все равно, что банальная чахотка вместо интересной эпилепсии. Но, ради Бога, кто же это из русских писателей бил вазы при женитьбе? Сам Достоевский — и тот «нормально» ухаживал, и «нормально» влюбился, и «нормально» женился.

— Уж чего нормальнее?

И потом: все, что поставлено в счет Чехову, можно поставить и тем старикам, «благоуханием седин» которых г-жа Гиппиус так очарована.

— Разве Плещеев женился в припадке «священной» эпилепсии?

— Разве Вейнберг «бил вазы»?

— Разве Полонский сжигал свои стихи и постился, как Гоголь?

Все они были люди, более или менее, нормальные: нормально ухаживали, нормально любили, нормально жени-

лись, нормально дожили до «благоухающих седин». И перед смертью никто из них не болел «священным безумием», а все страдали, так сказать, различной «подлой хворостью»: подагрой, склерозом, желудком, сердцем...

Но и за-всем тем, для всех для них у г-жи Гиппиус нашлось доброе слово и только для Чехова не нашлось...

— «Провинциальный доктор» с дурными манерами, с ног до головы «нормальный», до отвращения «нормальный».

Я, признаюсь, совсем иначе смотрю на эту нормальность. Я вижу в ней душевное здоровье и чеховскую нормальность очень сближаю с пушкинской нормальностью. Пушкин тоже был душевно здоровый (поразительно здоровый) человек. И все, что г-жа Гиппиус поставила на счет Чехову, можно поставить и Пушкину.

Ни малейшей «эпилепсии» и никаких намеков на «священное безумие» князь Мышкин. Нормально ухаживал, нормально влюблялся, нормально женился и, делая предложение барышне Гончаровой, не только не раз-

ЗАЯВЛЕНИЕ

От Комитета учащихся и слушателей Русского Народного Университета в Нью Йорке

С приближением учебного года указанный выше Комитет, избранный на собрании 11 го июня 1925 года, считает своевременным обратиться ко всем товарищам по школе и ко всем ищущим образования, со следующим заявлением.

В настоящее время Комитетом ведутся переговоры с некоторыми другими школами об объединении учебной жизни.

Это объединение в стенах Русского Народного Университета призвано создать на основе не-к-рейн-и дружеских взаимоотношений между администрацией и учащимися, и на основе совместной работы по укреплению и улучшению школы. Правление Русск. Народ. Университета очень отзывчиво отнеслось к желанию учащихся принимать значительно близкое участие в делах школы.

По взаимному соглашению выработан план совместной дальнейшей работы. По мнению Комитета этот план должен содействовать дружному под'ему оживления деятельности школы, ее сближения с различными орга-

низациями, ее наибольшего удовлетворения потребностям учащихся.

В виду всего сказанного, Комитет учащихся и слушателей Русск. Народного Университета созывает собрание всех учившихся и желающих учиться в Русск. Народ. Университете.

О дне и месте собрания будет оповещено во всех местных русских газетах.

Комитет на созываемом им собрании предложит план работы по улучшению и укреплению школы.

Комитет учащихся и слушателей Русского Народного университета, твердо веря в полное процветание своей любимой школы, приглашает товарищей объединиться вокруг полезного, прекрасного дела и сотрудничестве учащихся и учащихся.

Комитет учащихся и слушателей Русск. Народн. Университета.

Я. Игнатюк.

В. Тышко.

П. Шерман.

Неш Йорк.

НЕДОБРОЕ СЛОВО

(Начало на 1-й стр.)

бил вазы, но вел самые мешанские разговоры о приданом невесты и даже теще денег дал на это приданое.

Попробуйте в самом деле судить Пушкина судом г-жи Гиппиус, и вы увидите, как легко будет сделать из него «мещанина».

Но лучше «не судите, да не судимы будете».

Чем же, однако, можно объяснить это беспокойное отношение к покойному писателю?

Я не знаю, чем, и не интересуюсь знать это. Но что г-жа Гиппиус пристрастна и даже придирчива — это слишком очевидно...

По ее словам выходит, что тонкий, умный, наблюдательный Чехов, настоящий аристократ духа, попавши за границу, шатался среди сокровищ искусства, как кубанский семинарист, и больше интересовался «девочками», чем Венецией и Ватиканом.

Вот что пишет г-жа Гиппиус специально о «девочках»:

«Чехов ровным своим баском рассказывает, что любит здесь (в Венеции) попозднее спрашивать каждую итальянскую «девочку» — сколько? Более подробных наблюдений, за незнанием язы-

ка, ему не удастся сделать, — так, по крайней мере, хоть узнает, до чего может дойти дешевизна. Он уже встретил одну, которая ответила ему: «пять!»

Я не знаю, как вы благосклонный читатель, а я думаю, что во всей русской литературе был только один человек; который позволил бы себе так написать о мертвом писателе, да еще о таком писателе, которого благоговейно чтит и любит вся Россия:

— Это Буренин!

Изволите ли видеть, ходит «провинциальный доктор» по всем Европам, ни уха, ни рыла ни в чем не смыслит и даже не желает смыслить и только ко всем «девочкам» приценивается. Приценивается и потом г-же Гиппиус, молоденькой русской даме, «ровным баском» рассказывает, почему в Италии «девочка»...

Повторяю, так написать мог бы только Буренин. Мне искренно жаль, что это литературное неприличие и эта душевная грубость сорвалась из-под пера талантливой женщины.

Очень это тяжело видеть...

Александр Яблоновский.